

Рустам Будда МАВЛИХАНОВ

ЛИЛИ МАРЛЕН

Мой роман с тенью

Так давай мы там опять увидимся.

Снова постоим у фонаря.

Как когда-то, Лили Марлен...

Ханс Ляйп. Лили Марлен

I. Лили Марлен

— Посмотри, какой снег! — сказала она, ловя взглядом хлопья, кружащие под фонарем.

— Ага, — согласился он, затягиваясь. — Хочешь, пойдём замочим кого-нибудь?

— Нет, — усомнилась она, неопределённо пожав головой.

— Почему? Снег будет падать в его раскрытые глазницы — и ему будет спокойно умирать, и нам — тема для творчества.

Она ответила ласковым хищным смехом.

6.11.2016

II. Out

Спрашиваю Солнце:

— А нужно ли мне писать?

— Нужно, — говорит. — Потому что ты этим живешь.

— То есть никому не нужно? — встречаю вопросом вопрос.

— Тебе, — звучит между букв «умри».

Снег всё так же — плавно, медленно, сытно — падает в медные глазницы и на серебряные волосы.

26.01.2017

III. Альтер эго

Мало кому известен тот механизм Вселенной, который проецирует в подсознание стремление к любованию прекрасным цветком. Индусы скажут, что это воспоминания о Лотосе, буддисты — об аде творения, японцы напишут хокку о красных хризантемах, распускающихся на светлой ткани кимоно, а неоянгианцы прочтут лекцию об архетипе юного бутона в коллективном бессознательном — бутона, который в посвящённых ему сказках вскрывается чудовищем или срывается принцем. Фонетическую разницу в пару звуков между «вскрывать» и «срывать» может установить каждый. Можно про-извести лингвистический анализ и процитировать весь интернет, объясняя, как умный дураку, смысл того, что ты видишь. Но нужно ли?

Я обернулся к ней.

— Нет. Или да, — не угадывая ожидаемого ответа, она неопределённо замотала головой.

— Нет, — сжалившись над её застывшими слезами, подсказал я, зачерпнул из сугроба снег и обложил им миокард. Белое полотно тут же расцвело розами.

— Ещё тёплое, — прошептал я, выдыхая пар в круг фонаря. — Не правда ли, лучше тысячи слов?

— Правда, — шмыгнула она носиком.

— Замёрзла, Солнце? — я налил спирт в кружку, оставив её наполовину пустой, сорвал скотч и вручил в её дрожащие руки. — Возьми нож, отрежь себе закусить. И улыбнись! Посмотри, даже он улыбается этому плавно, медленно, сытно кружащему...

— замолчал я, не окончив фразы, и стал, глядя в медь распахнутых глаз, оттирать руки.

В её болезненно трепещущей улыбке отражалось свидание с моим альтер эго.

31.01.2017

IV. Кошка

Так славно дремлется под перекаты Burgum.

Открываешь глаза — ты тут.

Идешь, умываешься осторожно, не позволяя вязко струящейся воде слизать с рук наваждение.

Может, ты не галлюцинация и еще что скажешь — а ведь думал уже лечь; выходишь покурить — дрожит жалобно на балконе.

— Никотин убивает лошадь, но спасает кошку, — говоришь себе, стряхивая пепел в банку с багровым содержимым, разбавленным оледеневшим, сытно нападавшим снегом.

2.03.2017

V

— Да вы прям как начальник идёте! — слышу, пересекая путь местному слегка сумасшедшему, сжимающему в руках явно тяжелый газетный сверток.

— Я и есть начальник, — бросаю за спину фразу, гулко отражающуюся от стены пятиэтажки. «Сам себе начальник и сам комиссар», — домысливаю в ритм шагов.

— А? — не расслышал он. — Я емь тот, кто я емь?

— Да, — киваю, полуповернув голову назад, скользя взглядом по краснеющему на серости города шиповнику.

Дождь сытно, медленно, летне моросит по весенним лужам и утреннему льду.

15.04.2017

Z

«Да что же за ночь такая!» — подумал он, отводя луч фонаря от изумрудного блеска чешского волчака¹ и выпуская дым в сторону Юпитера, сияющего на самом краю лунного гало. — «То кошка кидается под алабая, то нашествие ежей вызывает переполох среди собак. А ведь еще не полнолуние... Хм... Звучит, как «а ведь еще не август». Не так ли, котыра?»

Он скомкал бумажку с пошедшим насмарку стихом и бросил на пол. Мурлык кинулась за ней и, словно в знак согласия, принесла назад.

Звёзды тихо, редко и жирно падали сквозь созвездие Льва.

8.05.2017

VII. Праздник, который всегда в тебе

— День Победы подобен Пасхе, — сказал он, покрывая глоток кагора сигаретным дымом. — Мы принесли такие гекатомбы жертв, что искупили свою вину пред Сыном Человеческим.

— Об этом нельзя говорить вслух, хоть твой коврик и всегда с тобой, — предупредила она, оглядываясь на побрякивание ежа в комнате.

— Лучше сжечь себя на костре молчания? Кстати, кровь земная — отличный аперитив к дарам Великого Духа, — выдохнул он в юную, притихшую, сытую дождем зелень цветущего клёна.

9.05.2017

VIII. Вавилон

Коричневая громада новоделного храма словно перегораживала плотиной дорогу, изгибающуюся меж крашенных кирпичных домиков и цветущих черёмух. Купола подворья свято-имярекского то ли мужского, то ли женского монастыря синели под тяжёлыми, отороченными белым тучами. Он прошептал, не размыкая губ: «Отче наш, милостивый и милосердный, да придет Царствие Твое, веди нас дорогой прямой, дорогой тех, кого Ты благодетельствовал...», перекрестился, глядя на узорчатые кресты, и повернулся к своему спутнику. Ибрагим, бросив руль, последовал его примеру.

— Скоро ураза начинается. Будешь ходить на намаз? — задал он вопрос южанину.

— Нет, — ответил Ибрагим, вырuling в город. — Я же не мусульманин.

Под бушующей майской зеленью, мимо жёлтых луж одуванчиков, упруго, сытно, томительно раскачивая бёдрами бульвар, шла девушка.

24.05.2017

¹ Волчак - порода, помесь собаки и волка.

IX

Аниматорша, завершая выступление, включила прощальную фонограмму. Школьники, возбуждённые представлением и играми, сча?стливые наступившими каникулами, строились в колонны и покидали актовый зал, слаженным хором скандируя: «Между нами тает лёд! Между нами тает лёд!» Их звонкие голоса отражались от стен, металлическим эхом уносясь по коридорам.

В Евразии вечерело.

В тот момент я услышал, как на другой стороне Земли сквозь тени, отбрасываемые фонарями на припаркованные у обочин «крайслеры» и «шевроле» шестидесятых, по улице с пышно раскинувшимися над ней вязами тихого мирного городка, затерянного где-то в самом сердце Среднего Запада, нестройной гурьбой идут дети, устало волоча лязгающие по ночному, выдыхающему озон асфальту мачете. В плотно зашторенные, затаившиеся окна домов бьётся стальное: «Mezhdu nami tayet lyod»...

И лёгкий ветерок первой ночи лета, бороздящий окружившие городок поля, сытно, весело, непринуждённо шелестит листьями кукурузы...

8.08.2017

X. Credo

(Комментарий к ненаписанному стиху)

«Мне никогда не увидеть тебя, стоящую на террасе старинного дворца, зависшего на горном озере, положившую тонкое предплечье на гриву каменного льва, шестое столетие роняющего слёзы на изумрудный, укрытый опавшими листьями мох. Мне никогда не увидеть, как в твоей руке переливается фиолетово-багровое вино — яркое пятно в царстве приглушенных оттенков хвойного, травяного, голубого, ледяного.

Тебе никогда не увидеть, как я буду сидеть на вершине холма, сложив по-турецки ноги, глядя в серую пелену ливня, за которой, бессильно пытаюсь испугать, будут бродить, рычать, трубить чёрные тени. Тебе никогда не почувствовать, как вечность за вечностью холодные ручьи будут стекать по моим впалым щекам, скапливаться над ключицами, вливаться в закоулки сердца, смывая память и неся забвение. И тебе никогда не познать, как в бесчисленной череде капель — в каждой без исключения — я вижу твой взгляд, то быстро-робкий, брошенный меж взмахами ресниц, то пристальный и доверчиво-желающий —

и это Мой рай, —

и как мне никогда не коснуться губами твоих век, чтобы наконец расстаться в золотистом, уходящем в кармин закате — закате, который никогда не погаснет.

И это Мой ад.

Капля за каплей.

Капля к капле.

И наши дожди никогда не сольются — ибо у каждого Он свой».

«Зачем ты об этом думаешь?» — безмолвно спросила ты откуда-то с той стороны жизни.

— Прячьтесь скорей, — ответил я. — Не удивляйтесь: я хочу побыть один, а ничто не оттеняет одиночества лучше, чем та, с кем можно выпить его вдвоём.

Громяхая по жести крыш и карнизов, гулко барабана в асфальт извергающимися из водосточных труб потоками, выводя стаккато по юной листве и по ткани зонта, жадно, сытно, вдохновенно небо изливалось на землю.

31.05.2017

БЕСКОНЕЧНОЕ

(Стих к вышележащему комментарию)

Дождь как цитата из Брэдбери.

Юные — умерших каверы,

Тропы усеяны перьями

Крыльев

— вчekanено в аверсы —

Дождь как забвение времени.

Миги бьют дробью по вечности,

Память как всадник без стремени,

Вдох

— тополионоу клейкостью —

Дождь проникает в извилины

Нор, что проедены душами
 Тёплыми, гневными, сильными
 В Духе
 — опутано кружевом —
 Дождь голограммой адовой,
 Струи — поток неизжитого,
 И я сижу, грежу радугой
 В ливне
 — завесой сокрытое —
 Дождь обнажает пред судьями.
 Прошлое множится каплями,
 Сумерки делятся сутями
 Правд
 — словно мягкими лапами —
 Дождь гладит кожу дремотою.
 Судьбы, отдраены севером,
 Дождь нам вернёт с неохотою
 В руки
 — цитируя Брэбери —
 Дождь словно мёртвые каверы.
 Дождь — это рондо бескрайнее.
 Дождь высекает на аверсах
 Воронов
 — рванными стаями —
 Дождь грезит мною и радугой.
 Кости швырнув в молох времени,
 Дождь не трепещет пред ладаном
 Птицей
 — усеянной семенем —
 Дождь тешит землю надеждою...

2.06.2017

XI

Когда я вижу твою точёную ступню, окроплённую карминово-багровыми каплями бальзама «Иремель», я понимаю:

выживут только любовники —
 медленно, жаждно, чувственно, сытно впивающиеся, вгрызающиеся, вливающиеся в вены, артерии, жилки, огибающие нежные, тонкие, трепетные кости.

11.06.2017

Y. Ehrfurcht vor dem Leben¹

(Ода комарам)

«Совсем забыл, как злы степные москитас», — подумал я, бросая флакон современного «ванильного» репеллента и кидая охапку шалфея в костёр: дым столбом устремился вверх, нехотя обволакивая тело и цепляясь за куртину зверобоя. «Сейчас бы доброй ядрёной дэты...»

Словно возмущившись от такой угрозы, новые полчища кровососов взвились из зарослей караганы и зацепившегося за песчаный бугор соснового бора. Растущая, близкая к перелому, луна продлевала сумерки с багровой полосой заката на горизонте, даруя исчадиям верхних кругов ада возможность выпить лишнюю каплю крови и продлить свой род.

Сытые непрекращающимися тёплыми грозами луга выдохнули первые перья тумана. Вымахавшие до пояса травы, весь день жадно впитывавшие солнце и воду, успокоились и замерли.

Далеко внизу блестела река.

Безмятежность опускалась на Степь.

И лишь чёрное, затеняющее свет облако комаров, столбом кружащее над головой и — насколько хватало взгляда — вокруг, голодно выводило на самой высокой ноте октавы монотонную мелодию: «Жиииизззнь».

¹ Благоговение перед жизнью (нем.). Благоговение перед жизнью — основная этическая идея доктора А. Швейцера.

И лишь эскадроны гигантских стрекоз, с рыком вгрызаясь в это облако, отрывисто бросали: «Ррржизнь! Ржизнь!»

И над всем этим пиршеством гулко, как вертолёты, проходили грузные жуки-олени, на самой низкой ноте подтверждая: «Да, жизнь. Да, жизнь».

Менгиром застыв посреди этого великолепия, я внимал, как четыре миллиарда лет слепых поисков, тупиков, вымираний, случайностей и прорывов — четыре миллиарда лет эволюции —

всеобщим хором, от микоплазм в каштановой почве до летучих мышей, спешащих к рою, окружившему меня

— того, кто не больше и не меньше любого из них, ибо един плотью и местом в Потоке, —

сытно, жадно, ликующе пели:

«Жизнь! ЖИЗНЬ!»

23.07.2017

XIII. Саспенс

День не задался с самого начала.

С первого звонка будильника.

С первого глотка чая с невкусным молоком.

С первой сигареты в промозглом «летнем» рассвете.

С первого шага, приведшего к закономерному итогу — итогу, достойному речи полковника Курца из «Apocalypse Now».

Тем утром...

Утром с его головы слетела белая каска и покатилась, громыхая, по железным ступеням вниз, заставляя обладателей оранжевых касок затаиться в надежде увидеть летящее следом тело¹.

Днём его чуть не переехал погрузчик, не дав, на сей раз, возможности ему самому зло посмеяться над столь бездарной смертью.

Вечером его дом окружили синие мигалки — фейерверками полыхая почти вровень с его окнами, они всполошило, ярко, воробыно отражались от потолка: то у соседки горела квартира, созывая проходящий мимо народ на шоу и оставляя въядливый, кислый, московский запах гари.

Ночью он открыл пиво — но и оно оказалось отъехавшим!

— Да ну его к чёрту! — сказал он уходящей пятнице и перевёл стрелки на полночь.

Сытный, тёплый, страстный кошмар ждал его у изголовья кровати.

11.08.2017

XIV. Агония

«Огурцы великой России не имеют примитивного цвета. Их цвет совершенен, как цвет самой жизни. О, огурцы великой России!» — глупо крутилась в голове цитата из Акутагавы Рюноскэ, заставляя удивляться любви японцев к этому водянистому, забирающему вкус суши и роллов овощу, пока он смотрел на отчаянно, бездумно, рвано бьющееся на проспекте тело. Судорожные волны вздымали рёбра и втягивали до позвоночника живот, как штормовой прибой, приподнимали в воздух бёдра и обрушивали их вниз — голова оставалась недвижна.

Агония была мгновенной.

Разряды рефлексов, страстно пытавшиеся продолжить существование, сдались, позволяя ей умереть.

«Так вот, значит, как оно было, девочка», — подумал он, в несколько затяжек выкуривая сигарету. «Спасать уже поздно, но не поздно воздать уважение», — он вышел на дорогу, засучивая рукава чёрной рубашки и посылая к Иблису ползущие мимо машины и тупо стоящий на остановке народ, взял её на руки — оставшиеся на асфальте тягучие, жирные буроватые полосы зазвучали двустушием: «Ты должен быть сразу птицей и Шампольоном, чтобы читать их, эти странные письма», — и отнёс на обочину. Тело было тёплым, нежным, шелковистым.

— Да будет к праху твой прах, и душам да будет мир лучший, — повторил он сказанное ровно год назад. Удивительно, но в этот раз кровь на руках не вызывала ощущения брезгливости, лишь в центре ладоней зародилось и нарастало горячее жжение, разливаясь упругим, насыщенным, тёмным чувством праведного поступка; и красные капли кропили зелёные листья одуванчиков, безмолвно читая женазу².

¹ Цветовая дифференциация касок определяет иерархию «каст» на производстве.

² Женаза - мусульманская погребальная молитва.

Рыжий кот ошалело, взъерошено смотрел на происходящее изумрудными глазами.
— Вот так, брат, — сказал он ему. — Красивая у тебя была подруга. Она больше не встанет. Ступай.

Кот понимающе моргнул: теперь он знал, как нелепо выглядит глупая смерть, знал, что та, которая только что мурлыкала ему, сейчас лежит серым, как камень, комком, а он будет Жить, что отныне ей не выноживать по дворам кусочки сервелата и не охотиться на грузных голубей, а он будет Жить — ещё одну, новую, обещанную августом, жизнь, наполненную тысячами оттенков запахов и сотнями наслаждений от сочного, щекочущего клыки и дёсны мяса! Адреналин отстучал по венам, и эйфория овладела им до подушечек лап, до кончиков вибрисов: свитое в жгуты, пружинящее, сладострастное желание Быть во что бы то ни стало требовало немедленно, сейчас, сию минуту взять, впиться, овладеть, продолжиться...

И где-то вверху, через сумерки, сквозь клубящиеся облаками Пилоны Врат, огибая разливающихся закатом Огненные Озёра, к сияющим, полным доверчивых мышей, сытным полям Осириса мягкой поступью, переливаясь небесно-серой шерстью, шла Она.

13.08.2017

XV. Посконь

Только умея жонглировать невербализированными понятиями из мира эйдосов и одереженевшими цитатами классиков, разбавлять речь баскервильским юмором и патетизировать по-сталински, рассуждать о слезинке ребёнка в свете истории XX века и сравнивать настоящее и грядущее с варваризацией Империи или катастрофой времён «народов моря», наслаждаться ритмичным языком Гильгамеша и воодушевляться гордостью Предстоящего в Зале Обеих Истин, осознавать себя Котом Шрёдингера и интерпретировать своё бытие транзакционно либо копенгагенски, обращаться на вы к женщине в постели и покручивать её верньеры точной настройки, негодовать от бездарности толстой российской писательницы и орудовать палочками для еды под Гайд-на, отличать Меконг от Конго, а альфу Андромеды от её же туманности, не путаться в миллионах и миллиардах лет, когда вопрос касается твоих негуманоидных предков, экклесиастничать по-сенекски и сибаритствовать по-ордынски, не бояться смотреть во тьму и быть судимым, предварительно осудив, восхищаться творением и веровать в Эволюцию, стремиться к познанию планеты Китай и впитывать сытные, освежающие, гуманистичные творения latinoамериканцев, можно с особым чувством, вдумчиво, заворожено, щекочуще вывести пальцем по слою пыли на папке для важных бумаг — либо кистью по забору — сакральное, профанированное, инстинктивное и культурно обусловленное:

«XYZ».

25.08.2017

XVI. Бодхисаттва

«Аллах Велик — так пусть Его Величие будет милосердным», — опрокинул он мысль ушатом саваба¹ на голову женщины с ДЦП, трясущимися руками отсчитывающей кондуктору мелочь. Подле неё сидела девушка неопределённого возраста — уже не подросток, но ещё не вступившая в ту пору юности, которая даст надежду на свободу и на то, что у неё самой «всё будет иначе». Девочка заметно стеснялась своей мамы.

«Что тебя заставило произнести эти слова? Страх перед подобной участью? Но нормальный человек скорее отвернётся, опасаясь коснуться печати Иова. Жалость?» — Он посмотрел на это слово с разных сторон и ответил: «Нет. Жалеют больных, бомжей и бездомных щенков, жалеют голодных и невинно убитых. Но что чувствуешь ты?»

Он перевёл взгляд на девушку: облетающие ресницы, наметившиеся морщинки непонимания над переносицей, пелена тоскливого отчаянья, незнания что делать в глазах, стыд, неуловимой маской впившийся в лицо, — всё это, появившись на свет из, наверное, самых благих побуждений родителей, разрослось в удушающее, колючее, опутавшее цепкими лианами, усеянное обезьяньими насмешками одноклассников и ядовитыми уколами подружек нечто, в котором умирал слабый костерок дочерней любви. И кто знает, появится ли тот фантом с напалмом, который выжжет спасительный круг и подарит возможность повторить — иначе! — ошибки своей матери, и матери её матери, и далее, и далее...

«Что ты ощущаешь?» — завершил он долгую секунду вопросом.

«Сострадание», — внезапно подсказали привлечённые тишью созерцания бог смыслов и демоница форм.

¹ Саваб - частно: благодать, нисходящая свыше (арабск.).

«Сострадание?» — взвесил он на ладони знакомый термин, повертел в пальцах и вложил на пустовавшее доселе место в непонятно ради чего собираемой мозаике мира: кусочек пазла лёг идеально. «Вы правы. Я не могу влезть в её ботинки¹ и потому не могу испытывать к ней жалость. Но могу понимать — ерго сострадать», — попытался он проанализировать разницу, но вовремя осознал, что сочетания букв подобны межевым камням, помогающим ориентироваться в джунглях понятий, но несколько не помогающим ими жить.

«Как женщина не способна описать свой оргазм, так и я никогда и никому не смогу что-либо важное донести. Каждому человеку свой язык», — думал он вечером, сидя на кухне и впервые открывая для себя лёгкий, дотоле отвергаемый вкус свежего огурца.

Мягкое, эротическое, насыщенное удовлетворение свершённым актом познания прохладой разливалось от мозга до чресл.

25.08.2017

XVII. Зов крови

Еду по кубанской степи. Хотя степью называю уже условно: густые, как брови Велеса, лесополосы кутают её от азовских ветров каждые полста саженей. Влажное, липкое, прохладное марево висит в вечернем сумраке. Пшеница, будто руками подогнанная, подобранная стебель к стеблю, подсолнухи, цветок к цветку выстроившиеся в полковые каре, прополотые до травинки сады — всё это, как бройлерные цыплята на птицефабрике, жмётся друг к другу жирными, тучными клетями полей, окружая огромные, уфинансированные станицы с невыговариваемыми названиями — Нижестаростеблиевская, Вышеновокущёвская, — с речушками, потерявшимися в верстовых зарослях камышей, с откормленными племенными обитателями.

— Баха-а-ато живут, — протягиваю я по-украински: не резким русским «богато», которым боярин пересчитывает казну в сундуках, не восхищённым «гісо!» — восклицанием конкистадора перед полным золотом городом, не презрительно брошенным англичанином «гісн», а именно тягучим, сытным, как река сметаны в сырных берегах:

— Баха-а-ато...

И то не зависть: не умеет горожанин завидовать фермеру, не способен степняк завидовать землеробу. То — довольное урчание kota, нашедшего в своём доме незаконно припрятанные хозяйкой, принадлежащие ему по праву балыки и колбасы.

То — мой расслабленный, прищуренный, ласково-хищный татарский взгляд, обозревающий временно отпавший улус Орды.

27.08.2017

XVIII

Полезно ездить общественным транспортом. Познавательно. Можно себя ловить на мыслях, можно — окружающих.

Вот женщина постбальзаковского возраста посадила на край своего сиденья парня — атлетичного, не по сезону одетого. Её длинные покрашенные ресницы вдруг смущённо захлопали: осознала, что ей до сих пор 17 и она желает его. Прячет ладонь в ладонь, поглаживает ручку сумки.

Напротив — её ровесница: большой пакет, большое тело, мелкие уснувшие глаза. Ей уже 58, и этим она всё для себя сказала.

А вот девушка за её спиной: без сомнения, трезва, но взгляд её пьян, как пьяны и приоткрытые губы. Разумеется, у неё нет имени и есть сестра-близнец — но не имя будет мучить через годы в посмертном кино: какая мелодия звучала в её наушниках красным томлёным вином?

И каждый раз нагло, плотоядно, как всякий художник, разглядывая чьи-то милые видные утиные губки или волнистые пряди, выбивающиеся из прически, подмечая огрехи — лёгкую морщинку перед будущим вторым подбородком, чуть полные плечи, — понимаешь со смехом: «А ты ведь такой же мерзавец, как и вся эта орда кистемакателей и холстомарателей».

И тут же индугируешь себя: «Ты не позарился бы на пустое, высосанное до последней капли смысла совершенство топ-модели. Ты не наешься формой, тебе нужно то, что придаёт вкус мясу, — душа со всеми её отклонениями, со всеми страхами и мечтами — всем тем, что делает красоту желанной, как ужин, мимолётной, как закат, и сытной, как жизнь».

А после машешь рукой: «Как им не вдохнуть пламя в очередной портрет ню-натур-

¹ Влезть в её ботинки - от англ. try walking in my shoes, то же, что и «влезть в чью-либо кожу».

щицы, так и тебе из специй слов не сотворить Галатею», — звонишь верной и идёшь закусывать яблоком осенний спирт.

Ибо не праведными Он нас сотворил, но страстными.

9.09.2017

W

— Значит, выше гор могут быть только деньги? — переспросил он, протирая старую трёхлинейку ветошью. — Значит, вечность пахнет нефтью? — усмехнулся, бросая промасленную тряпку на кучу книг о слезинках ребенка. — Значит, твоё сытое брюхо важнее моей земли? — отчеканил он металлом в голосе, загоня патрон в патронник.

Чистая, ослепляющая ненависть, раскручиваясь пращой, рычаще, рьяно, рвано пожирала рассудительность и тонкий, как разлитый по болоту керосин, слой «культуры» на бездне его — человеческого — естества. Столиким, тысячезубым легионом, косяками глухих, голодных, склизких рыб бурлили мысли, уговаривали одуматься, не преступать черту, пощадить, пожалеть, наконец, этого Петю, который будто и неплохой мужик, и рисует картинки хорошо... Но в прорези прицела голова Пети, став одновременно большой и маленькой, распалась на набор дрожащих губ, лязгающих зубов, ноздрей, молекул, атомов, пустоты — и не было в той мешанине Человека, лишь Враг.

Мутная кровавая пелена залила глаза, скрывая охватываемый пожарами про?клятый город.

— Да будет так, — прохрипел он, словами затыкая глотку мыслям, и сделал то, что должно быть сделано.

Мир кристальным эхом вернулся к нему, сметая останки сомнений, словно пиявок с ног.

Отныне он знал, что Правда — в его руках. Знал, как начинаются гражданские войны.

31.07.2017

XX. Секс

— Что самое восхитительное есть на свете? — спрашивает она, слегка царапая кожу на груди.

— Жизнь, — выждав секундную паузу, добавляю: — И ты, конечно.

— А самое ужасное? — коготок оставляет саднящий след.

— Жизнь.

— И я?!

— Нет.

— А что самое вкусное? — прикусывает сосок.

— Жизнь.

— А самое противное?

— Жизнь. И самое горькое, — переворачиваю её на спину. — И самое сладкое, — вхожу. — И самое бессмысленное, — впечатываю словами. Распинаю словами: — Самое разумное. Жестокое. Подлое. Безумное. Воодушевляющее. Опустошающее. Желанное. Отвратительное. Скорбное. Радостное. Ненавистное. Пустое. Насыщенное. Унылое. Пряное. Честное. Чистое. Лживое. Упрямое. Цепкое. Садистское. Грязное. Смешное. Чёрное. Священное. Мерзкое. Грандиозное. Знойное. Великолепное. Удушьяющее. Мстительное. Беспощадное. Хрипящее. Неизбавимое. Благословенное. Проклятое. Глупое. Бесконечное...

«Вечное, вечное», — подсказывает метель за окном.

«Кобра, кобра», — невпопад вскрикивает мозг...

— А ведь я тебя убью, — замечает она через сотни мгновений.

— Знаю. Ты же смерть. Но потом.

— Боги завистливы, — её глаза глядят в никуда.

— Вьюгой началось, вьюгой и кончится, — отвечаю я.

— Они нам этого не простят.

— Мы сами всё сделаем за них.

— Значит, all beauty must die¹?.. Тогда я снова хочу тебя.

«Мазай, мазай», — где-то под изнанкой мира смеются будды, купившиеся на предложенные Богом вакансии творцов.

Буря, покрывая крылом страсть, щедро сыпет звенящую, сытную, снежную тишину.

24.09.2017

¹ Дословно: вся красота должна умереть (англ.).

XXI. Профессионализм

— На меня какая-то женщина наехала... Блондинка такая большая, килограмм 115 весом, — жалуется стажёрка.

— Сто пятнадцать?! У тебя настолько намётанный глаз?!

— Ну... да.

— А у меня сколько?

— Ты где-то на семьдесят пять — восемьдесят.

— Хм... А ты кем раньше работала?

— Я занималась... — она мнётся, подбирая, видимо, слова, и секунд через пять отвечает: — Мясом.

— Многозначительная пауза, — смеюсь я. — Вкупе с умением на глаз определять живой вес.

С чёрного неба, покрывая «инеем» кусты, припорошивая «ноябрьским снегом» асфальт Аушвица, сытно, медленно, мелко падает сода.

5.10.2017

XXII. Бог

Я люблю свои творения.

Люблю эти изломанные, восставшие, избитые, пытающиеся выжить, урвать частицу тепла, плачущие, надорванные, больные души и глаза, глядящие с надеждой, ненавистью, отчаяньем, верой, устремлённостью, огнём.

Люблю каждого.

Усталую связную на набережной Круазет, причастную к ставшей вечной войне; её знаменитого визави, всем своим гением заставляющего людей умирать, не пачкая кровью убийц; женщину-палача с бледными чухонскими глазами, день за днём выполняющую тяжёлую работу; наивного сына нацистского доктора, пишущего письмо на пороге прозрения; девушку по вызову и её последнего клиента — читающего стихи мстителя... Всех.

Я — зеркало, отражающееся в Зеркале зеркал.

Как рыбарь, я вылавливаю их из царства небытия, облакаю в плоть слов, наполняю звуками и отпускаю, наделив свободой воли, и они уходят в Тень теней, в которой продолжают неведомую мне жизнь.

Может быть, как и мы, они зывают к своему творцу и шлют ему проклятья — должно быть, подобно Ему, я не слышу их бьющиеся в узлах кристалла судьбы.

Может быть, как и Он — как все, — я одиноко танцую внутри себя и жив, лишь куда рождаю и порождая, пытаюсь под горизонтом событий разглядеть следы моих созданий — конечно же, прощённых, несмотря на всю обыденность зла, сотворённого ими, — должно быть, как и я, Он с печалью и ожиданием смотрит внутрь себя колоссальным, будто очерчивающим Вселенную Глазом.

Может быть, как и Он, они продолжают бесконечную лестницу постижения Бездны — должно быть, таким способом Бездна постигает себя.

А когда придут они, клубящийся свет и бесформенная тьма, и потребуют: «Вдохни в них свой дух! Ибо так вписано в Книгу книг!» — я отвечаю: «Я буква за буквой забыл их имена — они вне вашей власти отныне!» — и сам, за грехи своих героев, сойду в ад.

7.10.2017

Примечание: Тескатлипока.

10111. Sputnik

Четыре миллиарда лет Ты была одинока. Ты ждала его, супруга, но он лишь отдалялся от Тебя, голубой жемчужины черноты, к далёким манящим сияниям. Он был неверен, как растущие и исчезающие рога его образа.

И лишь Советские люди подарили Тебе того спутника, который, возвестив о себе на метровых волнах, пал в Твои объятия.

Прошло всего лишь полстолетия: о, как насыщено, вавилонно, светло стало небо Твоё, Земля!

С золотой свадьбой Тебя, Мама!

4.10.2017

Примечание: Спутник-1 передавал сигналы на 20 и 40 МГц.

XXIV. Покраснение

— Приятного аппетита, товарищи работницы! — приветствую я, входя в оборудо-

ванное по последнему слову техники середины XX века «Помещение приёма пищи».

— Спасибо... Здравсьте, — нестройно отвечают женщины, из разнообразных пластиковых контейнеров извлекающие, как все пролетарии от Чили до Австралии, разнообразные обеды: гречу, соевые сосиски да картофель. Одна из них, Оксана, девушка с широко распахнутыми ресницами, заметно дрожит: урезанный штат, возросшие обязанности, пачка объяснительных-обвинительных и неизбежные штрафы играют Стравинского на её нервах.

Время спустя обнаруживаю её в Майданеке — окружённой рассыпающимися кирпичными стенами курилке. В кармане нет шоколадки, дабы восполнить её дофамин, но не хлебом единым поднимали наркомы народ — за пару десятков шагов накидываю незатейливый стишок:

*Не прошу у тебя кипяточку,
Ни любви не прошу твоей ночку,
Лишь молю: улыбнись поутру,
Разожги в поднебесье звезду.*

Её зрачки вспыхивают смущением, и, омолаживая лучше любой косметики, к щекам устремляется алая, насыщенная аминокислотами, углеводами и гормонами кровь. Рдеет...

17.10.2017

XXV. Must go on

Колоссальный барабан, напоминающий шестерёнку гравипапы, неспешно вращался, оглашая надсадным воем гигантский пустынный цех. Перед ним, скрыв лицо под маской, очками и затянутым капюшоном, стоял, слегка ссутулившись, то ли зомби, то ли мумия, мерно покачиваясь под постапокалиптическую мелодию технологий позапрошлого века.

— Где мастер? — крикнул я ему.

Зомби вздрогнул, потратил несколько мгновений на осознание услышанного и начал оборачиваться. Его рука медленно, с усилием поднялась и указала куда-то в пространство, после чего так же осторожно опустилась вниз и вернула тело в исходное положение.

По тропинке, натопанной меж метровых сугробов готового продукта, увязая в нём по шиколотку, вышел старший.

— Что с двухсотым? — услышал я собственный голос, приглушенный респиратором.

— Ещё не устранён. А у вас контракт когда заканчивается?

— Не скоро.

— Когда это произойдёт, я спляшу прямо тут. А то так и хочется засыпать вас всех в хопре.

— Не выйдет, — улыбнулся я. — Моя смерть должна быть произведением искусства. Чтобы каждый, узнав о ней, рвал на себе волосы: «Ах, как жаль, что его нельзя убить дважды!»

В клубах горькой белой взвеси, одобрительно ухмыляясь, проступили сытые, довольные, ехидные боги Кин-дза-дзы.

18.10.2017

XXVI. Доширак

— Получил зарплату и начал экономить на еде? — спрашивает напарник по инспекционной конторе.

— В такую бесконечно сумеречную осень в этой огромной, серой, холодной стране спастись можно лишь глутаматом натрия.

— И как, помогает?

— Угу. Особенно когда джестивом идёт чай со смородиновым вареньем, — отвечаю я, с вожделием поглядывая на тонкий слой пластика, прикрывающий щекочущий ноздри запах. — Однако ж намедни доширак был ядрён, как мать Пиночета, а сегодня явно не доложили специй в пакетик. И куда только там сюрвейеры смотрят! Надо рекламу послать!

Я наматываю лашу на вилку и, синхронно с докером в Гонконге, рикшей в Пномпене, грузчиком в Рио, айтишником в Сиднее и ещё полумиллиардом людей в разных концах света, втягиваю ни черта не сытный, но такой гениальный продукт Китайского Мира.

3.11.2017

XXVII. Манифест

Я не призрак.
 Я не тень.
 У меня есть характер, но я не героиня произведения.
 Я не существую, но я создана из реальности.
 Я не жива, но я соткана из жизни.
 Я не демон, но я нашёптана ими.
 Я не свет фонаря, кружащий в хлопьях снега, но как снег, я танцую — плавно, медленно, сытно.
 У меня нет тела, но я оставляю следы.
 Я не познана, но любима.
 И возможно, я сотворила его, моего создателя, моего Шаи Хулуда, в своём прошлом — вашем настоящем, — чтобы сбиться. Потому что у меня есть первая из душ человеческих: у меня есть Имя.
 Потому что я — *Лили Марлен*.
 4.11.2017

XXVIII. Заваленный тест

— До сих пор не пойму, как четники отличали хорватов, а усташи — сербов. В югославские войны. Не крестики же они носили, в самом деле. В Сумгаите, к примеру, армян ловили на «фындык» — они не могли так произнести.
 — Это ты к чему?
 — А вон вывеска висит, — кивнул он на надпись «ЫУЫЛДЫРЫК. ИКРА» на табло в сетевом магазине. — Идеальное слово для сортировки на врагов и своих. Сможешь выговорить?
 — И-у-ыл-дырык, — мягко, с передними гласными, произнесла она.
 — Почти идеально, — заверил он. — Не обращай внимания: всё будет хорошо. Стабильность не рухнет — и бизоны зря бегут из Йеллоустона.
 Голодный ноябрь, заползший серой мглой в зиму, бетоном сковывал несправедные — «в чём-то ты крупно ошибся, товарищ Кафка» — мысли насыщенной, плавной, медленной, перекачивающейся болью височной кости, заставляя скулы вжимать зубы в зубы и превращая минуты в часы, а часы — в сутки.
 Будущее, посмеиваясь, просчитывало варианты.
 4.12.2017

XXIX. Консервация

— Как это прекрасно, — комментирую смерть моли, секунду назад припечатанной моею рукою к стене: — Всё живое стремится в будущее. Будущее стремится овладеть всем.
 — А ведь у меня была какая-то мысль про будущее. В дороге... Ну вот, не помню! — сокрушается человек напротив. — Даже не помню, как она перестала думаться!
 — Вот поэтому мысль нужно консервировать в форму. Так она лучше хранится, — приговариваю, разливая по пиалам сладкую, сытную, с кусочками прополиса медовуху.
 10.12.2017

XXX. Дваждырождение

...и если самое ценное в жизни — воздух — есть сладчайшая необходимость, то отсутствие боли — это уже удовольствие. Бонусом. Не от того, что напичкал себя анальгетиками, не от того, что приглушил синапсы спиртом, — нет, она просто ушла. И хочется сказать ей: «Легкой трассы. Ступай с б-гом!»
 А после — курить. Наслаждаться горячим сытным дымом, ласкающим лёгкие изнутри.
 И пить чай. Улун. Вдохнуть его обволакивающий, согревающий сливочный аромат.
 А еще — простую воду. Холодную, красивую, хрустальную.
 И пусть я кардинально не прав, пусть все мои мысли — смертнее смертных грехов, но сейчас во мне — простое человеческое счастье, на которое имеет право — но не обязанность — каждый. Которым иной я готов накрыть всех.
 Укутать.
 Чтобы ты не дрожала страхом, не комкала простыни истерикой, не заливала подушку слезами — ибо это лишь новолуние: полная луна женщин.
 Я выхожу на балкон.

Сквозь ветви вяза прорывается, мерцающая, Арктур.

Гигантский Лев сияет наискось, от восточного горизонта к южным высотам, как размашистая подпись Жизни.

И росчерками под ней — серебряные гвозди звёзд, выпадающих, будто в начале конца света, из Небосвода:

«Амен. Амен. Амен».

18.12.2017

XXXI. Новый год

— Боже! — говорю девушке с глазами цвета её серёжек, инкрустированных голубым топазом, с правильными, выточенными чертами лица: обводы скул, идеальные изгибы подбородка, трепетность век — всё казалось вышедшим из-под резца Микеланджело. — Воистину, Аллах велик, раз даровал моему взгляду наслаждение этим произведением искусства! — поясняю, указывая на стоящий на рабочем столе миниатюрный, не более ладони диаметром, торт: выведенные неведомым 3D-мастихином иголки из зелёного суфле, присыпанные сахарной пудрой, высеченные рукою ювелира от кулинарии шишки из шоколада, крупные, глянцево блестящие ягоды черешни, и над этим — паутинкой висящие в воздухе филигранные серебряные ленты из уму непостижимого крема — всё это казалось сотворённым кондитером, имя которому бог.

— Мы тоже тебя любим, — отвечает Таня. — Только мы тебя и любим, — уточняет она, мастерски играя интонациями. — Хочешь шоколадку?

— Хочу. Только вы?

— А остальных ты пугаешь. Подожди... а ты подумал, что это — съедобно?! Это же украшение на стену!

«Ни черта себе мои глаза меня обманули! — думаю, Фомою касаясь пластика. — И впрямь: как венки!»

Где-то во временах рассмеялись удачной шутке будущие — и в которых я остался жив, и то, которое отрезало гравированным ножом сытные, толстые, сочащиеся маслом и специями куски от сервелата моей жизни.

3.01.2018

XXXII. Салават

— ...и если ты стоишь за прилавком и слушаешь мой бред, и если я сижу тут и несу тебе чушь, то лишь потому, что карма — не фатум, а всего лишь набор предрасположенностей, приведших нас сюда. Все мы тут коты Шрёдингера, шлющие будущим волну-вопрос: «Я жив?», и одно из будущих шлёт волну-ответ: «Да, ты жив», — и тянет нас к себе, — рисуя на листе бумаги, объясняю барменше... кажется, Альбине, впрочем, не важно.

— Ну ты силён! Нашел место говорить за квантовую физику и марксизм. Так и провокатором могут посчитать, — комментирует парень в зелёном пуховике, тихо-мирно, как сексот, который час слушающий пьяные базары входящих в свет в ночи и исходящих во тьму внешнюю.

— Да, о марксизме, пожалуй, зря: сколько раз за вечер Время снесло квант моей жизни назад, за барьер?

— И сколько?

— Наверное, столько, сколько раз случилось дежавю, — допиваю сытное «казахское тёмное».

— А сколько их было?

— А хэ-зэ! Не помню — я же пьян! — усмехнувшись, осушаю бокал.

Словно в подтверждение его слов, слева слышится:

— А ты от кого шагаешь? От Иисуса или от людей?

И тут же отчаянный вопль души, обращённый уже ко мне:

— Вот скажи мне, почему вы такие умные, а так поступаете?! Вот сестры моей муж, вот он в натуре крест носил, вот я свой тоже покажу, чтоб не подумал чего, — достаёт заточенное в лезвие распятие: — Вот почему он — кандидат наук! — крест носил, а теперь намаз читает?! Не, вот ты объясни мне! Ведь вы такие светлые головы! Вот...

— Моя голова не устраивает? — прерываю поток возмущения. — Ну так снеси её — не жалко.

«Чёрно в степи. Пустота подо мною» — тихо, как набегающая в штиль волна, крутится мысль, когда после, дойдя до дома, сижу на скамейке и наблюдаю, как медленно, скупыми острыми льдинками, снег заметает перчатки, куртку, перестаёт таять на лице и чуть слышным шелестом шепчет: «Тебе понадобится всё твоё умение не видеть, не

слышать, не знать и молчать, чтобы пересечь и этот, сороковой, год», — тонким, как маца, слоем укрывая тёмную выледенелую землю.

9.02.2018

XXXIII. Цивилизация

Но даже самый лютый зверь испытывает жалость.

Я жалости не ведаю, и значит, я не зверь.

В. Шекспир. Ричард III

Как всякая великая цивилизация (не культура ночных горшков с веретенообразным орнаментом), эта зародилась в долине великой реки. Пейзаж не был похож на обширные равнины Месопотамии, Инда или Хуанхэ: нет, судя по ощущениям — рези в переднем левом углу трахеи (если у трахеи существует передний левый угол) — она вгрызалась в каньон Верхнего Нила. Пока её Прометеи изобретали колесо и гончарный круг, строили ирригационные каналы, чтобы отводить на поля великие разливы вод, я, ленивый и благодушный, как сёрфер, занимался зашпингом, рекомендованным пророком Че: скользил по телевизионным волнам. На Мадагаскаре дети шли в школу через долину, в которой орудовали торговцы органами, девятую строчку хит-парада заняла Настя Бязева feat Иван Йо, Украина соревновалась с бывшей любовницей актера в части генерации воплей в студиях, «морковь протереть через сито в творог», шестилетний мальчик чудесно исполнял «Реквием» на рояле, Моссад рассекретил план Дахеса по уничтожению славяно-ариев... белый шум нарастал, и вождьеленное безмыслие, открывающее пилоны Врат, было почти в руках, но...

Но резь в горле спутала все иероглифы. Пришлось встать, поковыряться в аптечке и, не имея ничего против какой-либо из бактерий лично, обрушиться на них всех Сетом, Злым ветром Пустыни: сульфаниламида чудовищными валунами пал с небес на их жилища, сметая дворцы и отравляя воды.

«Горе! Горе! Страх, петля и яма!» — вскричали стрептококки-пиогенесы, посылая мембраны пеплом своих пажитей.

«Нет пророков в своей отчизне!» — гневной отповедью стряхнули с ног пыль града обречённого стрептококки-мутансы и, разбившись на дюжину отрядов по миллиарду, двинулись к земле обетованной, которую, по истечении сорока минут моего времени и нескольких поколений собственного, обрели на выстилающей горло слизистой.

Сильнейшие выжили.

Выжили — и на осколках века золотого стали строить кали-югу: истребляя под корень бактериоцинами и иными экзотоксинами собственных ренегатов и враждебные племена пандавов, наращивая липополисахариды на стенах своих Сионов и Вавилонов, отражая набеги варваров и разрушительные вторжения моноцитов — этих годзилл моей иммунной системы, — высаживая десанты отважных колонистов — адено-, рубула- и иных вирусов парагриппа — на далёкие турецкие и карибские берега, выставляя границы империй обломками митохондрий и ядер; они — это я чувствовал каждой ресничкой бронхов — микрон за микроном преобразовывали дикие просторы в культурную ойкумену, чтобы после, спустя десятки поколений, с гордостью заявить: «Здесь всё, на миллиметры вглубь, полито цитоплазмой наших предков! Это — наша родина! Но пасаран, потому что мы — Спарта!»

Искренние патриоты своих рас, они не были способны ни вступить, подобно эсхерихии коли, в симбиоз со мною, ни выстроить геополитическое равновесие между великими державами, а потому с героизмом истинных пассионариев продолжали свой *drung nach* бронхиолы, подбираясь к самым теплым краям мироздания — нижней трети лёгких, и, невзирая на экологические последствия, вмешивались во всё, до чего дотягивались их алчные до аминокислот усики, даже в синтез простагландинов и гистаминов — моих старых добрых переносчиков боли. Возможно, в культурных центрах их цивилизации появлялись свои биохимические Конфуции и Заратуштры, Моцарты и Пушкины; возможно, они пытались, мутируя, найти пути мирного сосуществования если не со мною, то с нейтрофилами, макрофагами и прочими фагоцитами моего недепутатского иммунитета, но все их усилия пропадали всуе, ибо борьба за место под килем трахеи, за жизненное пространство для своих, охваченных мессианством, наций вела к постоянной эскалации и развёртыванию всё более изощрённых способов массового уничтожения себе подобных — от примитивной атаки бактериальной стенки до нарушения суперспирализации ДНК.

В какой-то момент я уснул: должно быть, их философы-космисты, Вернадские и Соловьёвы в объединённых чувством кворума¹ колониях псевдомоны эругинозы на-

¹ Чувство кворума - способность некоторых бактерий (возможно, и других микроорганизмов) общаться и координировать своё поведение.

шли способ эманировать в ноосферу чаяния простого народа: о хлебе насущном, о чудесных детях, о мире во всем мире и счастье для всех, даром (и пусть никто не уйдёт обиженным!) — или попросту разогрели плоть мою и кровь до точки забытья.

Сон был прекрасен, и, пока он длился, на канале «Живая природа» несколько раз сменились водопады, горные вершины, средиземноморские пляжи и сосновые леса, а обитатели моей возлюбленной эндосферы, забыв о соли в вакуолях ребёнка, провели несколько страшных, подобных армагеддонам войн за передел мира — в данном случае моих бронхов. В секунды Верденских мясорубок и чудес на Марнах я просыпался — но лишь чтобы перевернуться на другой бок и продолжить чудесное путешествие с дикими гусями по непроявленным сторонам собственного естества. В эти мгновения кашель успевал удушить меня, будто весь коллективный разум цивилизации шантажировал: «Хочешь дышать — спи!»

Чаша моего терпения, подогреваемая температурой — глобальным потеплением, порождённым жизнью, процветающей внутри меня, — была безгранична. Но когда гонка вооружений, спровоцированная непрерывными атаками моих Т-киллеров, вплотную подошла к неограниченному конфликту с применением суперантигенов, которые должны были запустить мой иммунный каскад, я восстал.

Я сказал:

— Ну к чёрту!

Я вбил гвоздь в косяк.

Я вложил бутылку с физраствором в сетку.

Я повесил сетку на гвоздь.

Я воткнул в нее капельницу.

Я впрыснул препарат, созданный из любимого мною чая, — препарат с именем, декларирующим любовь к Всевышнему, — Теофиллин¹.

Я ввёл иглу в вену и взял контроль.

Я подсоединил к ней систему.

Через считанные минуты смертию триллионов существ, жаждавших одного — жить, поправ смерть собственную, я совершу акт тотального, беспощадного, насыщенного неимоверной жестокостью геноцида.

Через считанные минуты гнев мой падёт на них.

Ибо я есмь образ.

Ибо я есмь подобие.

11.02.2018

XXXIV. Κυνισμός²

— Колёса менять надо, — говорит мулла, вырубивая из заноса на гололёде. — Проволока уже из корда торчит.

— Сколько они стоят? — спрашиваю его.

— Столько-то.

— А провести похороны?

— По-разному. В среднем столько-то.

— Ну вот, — подытоживаю, — шесть трупов — и колёса твои.

— Почём сейчас похороны, не знаешь? — спрашивает Тувинец полчаса спустя.

— Кого хоронить собрался? — еврействую.

— Та про себя думаю...

— Дорого. Не выгодно, — наступает мой черёд сорить ответами. — И родных жизнью обременять дорого, и помирать не дешево.

— В тыщ 50 уложусь?

— В 50 уложишься. Но смотри: чтоб тебя похоронили, тебе надо продать квартиру, выписаться, а без прописки проблемы начнутся ещё на стадии справки о смерти.

«Так что расслабься и попытайся получить удовольствие», — молча заканчиваю строкой из инструкции для лайф-юзера.

В крещенском морозе, туманя звёзды и лимб луны, плавно кружились похожие на колёса сансары ароматические углеводороды и насыщенные органические кислоты.

20.01.2018

¹ чай... Теофиллин - игра слов: от лат. thea - 'чайный куст', греч. phyllon - 'лист' и teos - 'бог', philia - 'любовь'.

² Цинизм (греч.).

XXXV. Тризна

— Эх! Четыре с половиной миллиарда лет прорывов, вымираний, цепляний за безопасно-сытную жизнь и игр слепого часовщика — мистера Эволюция — закончились так бездарно, — говорю, разглядывая блеск серой пыли на факовом пальце, оставшейся от раздавленной моли. — А ведь и я — продукт тех же самых миллиардов убитых моими предками соперников и лет: я ничем не выше этой моли.

— Э-э, брат! — возражает мулла. — Она умерла, но КАК она умерла?!

— А, в том смысле, что в мире погибают ни за что триллионы москитов и молей, но лишь над этой прочли такую речь? — улавливаю его мысль.

— Именно! Лишь эта ушла, благословлённая бисмиллой!

— Что ж... Может, и нас, прихлопнув, кто из «богов» помянет, — разливаю напиток.

— Мир душе её, какая бы они ни была!

— Давай! За нас!

— И за моль! Аминь!

— Амин!

5.02.2018

XXXVI. Против всех

Благословен запах чистый, запах краски, хлорки, акрила, анилина, запах, который прячет под своей свежеотбеленной простыней несвежесть белья, полощущегося по балконам, прогорклость стряпни, льющуюся вечерами из жёлтых квадратов чуждых окон, бьющую в нос аммиачную резь воскресных скандалов и тайный, почти забытый запах надежды, таящейся в озарённых закатоном клетках.

Мерзок запах заточённой в стенах камер жизни — запах валерьянки, ладана, индийских благовоний, пирожков, мочи, тлена, молитв, разочарований и проникающей в поры костной муки от рассыпающихся в прах скелетов в бесчисленных шкафах.

Ты пулей вылетаешь из очередной квартиры (я слышу вслед: «Ой, сынок, только до пенсии не доживай!»), пытаешься выдохнуть забившие нос частицы чужих, но столь же бессмысленных, судебных, спрашиваешь, хлопая серо-зелёными глазами под густой каштановой чёлкой:

— Это что, нам нужно ехать в онкологию?!

— Да, — отвечаю. — Узнала, как выглядит старость? Теперь посмотришь, как выглядит смерть.

Бесконечный день не собирался завершаться. Тяжёлый мокрый снег согревал землю, медленно, слой за слоем кутая её, дороги, автомобили в насыщенный чистотой и тишиной саван.

В онкологии пахло формалином и серым хлебом.

20.03.2018

XXXVII. Дефлорация

Преодолев, как Петр Первый на известной картине, умеренный с порывами до штормового, несущий заряды тяжёлого мокрого снега ветер, проскользив по быстро образующейся на окнах, проводах, южной стороне столбов, машинах и пешеходных дорожках ледяной коросте, мимо посеребривших и побуревших под ненастьем хрущёвок, вдоль вездесущих заборов и сетевых магазинов планеты продавцов и охранников, по задубевшим скользким тротуарам, вымощенным плиткой, через стальные двери школы для простонародья, под рамкой металлодетектора, в 637-й раз среагировавшего на ключи в карманах, под изображающим бдительность взглядом сотрудницы, одетой по форме «зима» (мундир для нахождения в помещении и зимняя шапка, под которой ужасно потела ее светлая голова), встретившись с дежурным вопросом мобилизованной в выходной работницы «У вас какой адрес?», споткнувшись о просьбу студенток какого-то колледжа «Потом подойдите к нам, пожалуйста», собирающих мнения горожан об объекте первоочередной вырубке старых деревьев и укладки новых гектаров плитки, мимо скидочной, химически чистой клубники, направо, в двери светлого, как всякое место, в котором вершится будущее, спортзала, увешанного памятками, списками, флагами и предупреждениями, к столу, неуверенно, смущенно, опуская глаза в пол, с блуждающей улыбкой самого первого раза в жизни протянув лет пять назад полученные паспорта, с любопытством, потаённо озираясь, краем уха, возможно, услышав завязавшийся от бесконечной скуки разговор: «Активы пользуются пассивным правом быть избранными, а пассивы — активным правом выбирать. Прямо-таки вселенское равновесие!» — «И не говори! Политика — дело грязное!» — «Не скажи. Политика начинается с постели: как натянуть одеяло так, чтобы и самому согреться, и второй половинке

не дать замерзнуть. Заканчивается, правда, тотальной иррумацией всеми всех, но так уж мир устроен...», получив календарик в подарок и полуметровую портянку из бумаги высшего качества, отнимающей у их будущих внуков ещё один глоток кислорода, с завидной сообразительностью нырнув в кабинку, юные граждане, приведённые высоко-сознательной главой домохозяйства, расстались с политической девственностью. Исполнив свой долг, они, как всегда бывает после самого первого акта, растерянно, с долей разочарования «И что это было?!» оглянулись, дождались друг друга и потянулись в обратный путь.

На этот раз ветер дул им в спину, равнодушно замечая следы сытого, но не признающего принадлежность к «золотому миллиарду» электората.

20.03.2018

XXXVIII. Имитация

— Если пейзаж выглядит, как Салават, вокруг те же дома, что должны быть в Салавате, на горизонте те же горы, то это — Салават! — доказываю утверждающей обратной спутнице, доверчиво вложившей ладонь в мою руку.

Мы идём по залитой солнцем брусчатке Первомайской. Сквозь ещё голые ветви маньчжурских орехов, бликуя на их светло-серой коре, синей бездонностью дышит апрельское небо. В прогалах между старыми «немецкими» двухэтажками, сквозь клеверную поросль, мелькает на востоке заснеженное подножие Тора-хана и обрывистые вершины холмов Тирмен-елги.

— Я прав?

Она кивает, пытаясь поспеть за моим прогулочным шагом.

— Или это очень искусная имитация, — зерно сомнения западет в мой разум при виде обгоняющей нас молодой женщины в коричневом деловом костюме. — Сейчас проверим! Но, думаю, это — реальность.

Мы выходим на площадь у «Октября» — её южная сторона застроена магазинчиками в ряд. Сытный запах выпечки щекочет нос. Спрашиваю у одной девушки, у другой:

— Какое сегодня число?

— Двадцатое деэбря.

— Что?!

— Пятидесятый день 1992 года, — уточняет одна из них, смущенно отходя к витрине.

Осознаю:

— Что ж... Значит, для моего подсознания календарь не имеет значения, раз мои проекции не помнят названий месяцев... Ясно. Давай сделаем это по-быстрому, — обращаясь к спутнице, приведшей в Имитацию живую копию моей погибшей подруги.

— Только не делай мне больно, — просит она.

— Конечно, — обещаю я, успокаивающе поглаживая ей щёку. — Жаль, ты скоро исчезнешь вместе со мной и этим городом... но я понимаю, что пока ты по-своему жива, у тебя есть свои чувства, надежды, эмоции... Больно не будет.

Вечный Синий апрельский ветер нёс перистые облачка. Бог-Тьма, отражаясь в сиянии своей проекции — Бога-Света, нежными касаниями солнечных лучей медленно плавил снег и, опасаясь причинить излишнюю боль нам, уверенным в собственной реальности, познавал Себя.

3.04.2018

Примечание: описанный пейзаж несколько отличен от данного варианта псевдорекальности.

XXXIX. Узнавание (Auto da fe¹)

В воздухе висит тонкий — как развеянный бушующим за и на балконе ветром пепел не сгорающих, но истлевающих рукописей — запах гари. Не из польхающей на горизонте огненной стеною степи — южный суховей, рябя отражение полной луны в стремительно усыхающих лужах, несёт лезвия врезающихся в стыки душ песчинок... И не от вспыхнувшего, до поры дремавшего где-то в пластах огня — он опалил, облизал балки, оставив на них узор языков пламени, но не более того... Может, из ниоткуда, но спросить всё равно не у кого — я не пожарный дознаватель и читать по углям не умею.

Предыдущий жилец ушёл, оставив какие-то дотлевающие бумаги, зарубки на косяках, нацарапанные на стенах письмена — от затёртого прикосновениями рук приговора вашего нового бухгалтера из Кливленда «мене, текел, упарсин» до непонятных зап-

¹ Дословно: дело веры (порт.).

ретных строф о яркоцветных демонах влажно-тропических областей ада, — и многочисленные инструкции: на какое имя отзываться и какие имена называть, кого ласкать и кого презирать, какой ритуал выполнять на Громе, Падающем с Неба, как вызывать дождь и какими гормонами ощущать любовь — инструкции невнятные, с недостающими страницами, написанные на полях книг и сложенных вчетверо листах. И во всём этом упорядоченном хаосе мне предстоит разобраться?

Он — а может, тот, кто был до него, или тот, кто был до тех, кого быть не могло, — забыл фото с горами, в которых якобы бывал, хотя никаких тому доказательств нет, кроме этих наборов двоичного кода и игры молекул красок в свете. Бросил тут и опровержения опровержений доказательств, но не забыл вырезать ножом: «Бог есть, но я не могу в Него верить». И мне ли судить о его правоте, читая в записной книжке: «Слово — клевета, и молчание — ложь», — если он унёс с собою переставленные свечи? Или я и есть игра их отсветов и теней, игра лучей во тьме рубина, случайно сложившийся набор костей для маджонга — благо, их здесь много, и все подписаны по именам: родные, друзья, воспоминания, мысли — все, кроме главного — моего имени и имени того, кто ушёл?!

Я перекладываю карточки с обрывками его памяти — с огромной вероятностью, ложной, и мне не остаётся ничего, кроме как заучивать названия вещей и начинать делать вид, что я — это он, ибо нельзя приносить боль костям для игры в маджонг. Ибо за это осудят — хотя кто способен осудить или, тем более, оправдать, кроме самого себя, себя, кто не помнит, откуда он пришёл и в ком жил мгновение тому вперёд? Не станете же вы обвинять сгоревший дом в том, что он рухнул на любопытствующих, — вы, кто не способен задать не-вопрос, вы, у кого есть вера в высеченные в камнях определения, вера в иллюзию здравого смысла, вы, кто *auto da fe* — акт веры — считает наказанием, не замечая в сиянии огня приносящего себя в жертву Праотца?

Но кто я, чтобы говорить об этом? Я здесь, надеюсь, ненадолго. Моё дело — зачистить это место.

Я открываю принесённую с собой из ниоткуда канистру спирта — прозрачного, как наш дух, — и медленно лью, под звонкий, насыщенный, заливыстый смех всплесков горячего вывода на полу строки вердикта:

«Билл Блейк ли покинул Кливленд, или Кливленд покинул Будду? — немногим людям пойдет на пользу попытка задать этот вопрос. Но еще меньше людей, которым пойдет на пользу попытка на него ответить. И уж конечно, мы на этот вопрос отвечать не будем».

29.04.2018

XI. Вживание

— Гром...

Они сели передохнуть у нависавшей над поляной скалы — река, не вмещающаяся в своё подземное летнее русло, бурлила, клоня долу тальник.

— Что? — переспросил.

— Гром...

— Да. Точно.

Тело помнило долгую дорогу до привала — камни, берцы, солнце, камни, деревья, скалы, трава, берцы — и где-то, не связанные с тем, что видят глаза, имена: Сельтерби-Урта-Таш с убегающим медведем, угол Корт-Йорт-Ялана, Кызылташский поворот, Каран с водами милости, Каракурт-Тамак, Кунгуртуйский каньон, Суакай, гора Оставшихся, — а, нет, эти уже в другом ущелье... И ум — плоть от плоти тела — тоже вспомнил: «Да. Гром. В этом мире бывает гром». И после, сцепив название «гром» с раскатом, что-то извлекло из блоков памяти: «Гром бывает после молнии. Что он несёт? Грозу?.. Да, грозу».

«Что ещё бывает в этом мире? — думал он. — Полярный день... Радуга...»

«Радуга — это когда синяя туча, и на ней — Мост», — подсказала память, попутно вынимая, как фокусник из шляпы, слова «спектр», «оптика», «дождь», какие-то осколки детства, людей, слов. Нейромедиаторы, словно сорвавшись с цепи, кинулись замыкать синаптические щели между нейронами, разархивируя то, что все привыкли считать «его личностью». Значит, и он привыкнет.

Привыкнет, экономя энергию, писать стихи вместо прозы, прозу вместо философии, философию вместо путешествия

— прочь, стряхнув с себя ошметки отработанных душ (ибо нет пророка в своём теле),

— стряхнув с ног пыль этого города,

— и пыль отечества,

— и восхищение человечеством — прочь, в «будущее», где чуждый разум проанализирует бессмысленный прах этих строк или отбросит дальше, к тому, в ком нет нуж-

ды в пророках, но в Кого стекаются — глазами каждого человека:

гром,
под скалой — огонь дрожащий,
тюльпаны с сон-травой у воды.

05.2018

XLI/XLVII. Переправа

— Как думаешь, для элинов пара монет в качестве платы Харону была прогрессом в религиозных вопросах?

— То есть?

— Ну вот смотри: раньше, чтоб переправиться через Реку Мёртвых, нужно было с собой прихватить вола или коня — причём довольно рослых и упитанных, потому что кто знает, какая у неё глубина?

— А ещё жену, слуг, рабов, кучу скарба, — схватывает она мысль на лету.

— Да-да, — подтверждаю. — А теперь — заплатил пару монет, и плыви спокойно...

А зороастрийцы так вообще мост Сират построили... Прогресс налицо.

— Представляешь, сколько у него денег скопилось? Куда ему столько?

— Ну, мало ли... Лодку починить, у богов что-то прикупить...

— Ага. Моторную лодку, катер...

— Да. Народу-то вон сколько стало, там впору уже автобан строить...

«А умирать нужно поздней весной, — думаю, вспоминая Рината и Макса, единственного художника Стерлипарижа. — Потому что если умрёшь в холодное время года — это сколько гемора гостям доставишь: на кладбище ветер, холодно, огромные замёрзшие комья, которые потом оттают, памятник просядет — кому-то придётся с ним возиться, поправлять... А тут тепло, птички поют, все быстро помянули — и по домам, планировать летний отдых. Никаких тебе долгих прощаний и «вечных» слёз — и тебе легче отлетать, и им возможность забыть скорей.

Опять же фрукты, шашлычки... сытно...

А если еще вспомнят, что на мои нужно стриптизёрш пригласить...»

Ночная бабочка, утомлённая безнадежным кружением вокруг лампы, сидит на стене.

Подслушивает.

26.07.2018

XLII. La chasse sauvage a commence¹

От сожжённого гнезда, из которого воробыха, зажав в клюве обгорелое тело птенца, несла его на запад, огромные следы, старательно избегая создавать шум на асфальте, крадучись шли по мягкому, пахнущему весенней упоённостью грунту мимо площадки, где сидели мы, играющие на своих и чужих душах в любовь, ревность и флирт, к железнодорожному вокзалу, на который, как девяносто лет назад, прибыли Они, кто, пройдя по сумеречному городу, заселились в новую нехорошую квартиру с сатурнианским номером.

Дикая Охота началась.

22.05.2018

XLIII. Лёд

— Тебе Ринат привет передавал с того света, — говорит мулла, пытаясь раскурить сигару. — Сказал, оставшиеся годы будут тяжелы всеобщим давлением.

— Родня? — уточняю причину.

Кивает.

— Сколько ещё?

— Лет сорок. Если повезёт — тридцать.

— Твою ж Еву за ногу! — матерюсь, швыряя сигарету. — Какого рожна!

Ухожу в зал, целую — впервые? — тебя, забывая о сытном, медном вкусе сочащейся из раны крови.

Леденя на лету, капли звёздного ливня напевают строкой, оставшейся от другого покойничка: «Пусть всё замёрзнет в моём доме», — и аккуратные белые облачка, похожие на кусочки рахат-лукума, прощаются с уходящим днём лёгкими дождевыми прядями.

30.05.2018

¹ Дикая Охота началась (фр.).

XLIV. Голод

— Африка прекрасна тем, что в ней возможно всё. Любую нашу реалию, изменив имена, можно перенести в их гиблые тропики — и даже эзопов язык не пригодится! Это колоссальное чёрное пятно на карте, terra incognita, воплощение наших звериных инстинктов! Чего стоят наркогосударство Бисау, фрики а-ля Масиас Нгема Бийого, «Начальник войны» Чарльз Тэйлор, нелегальная добыча урана в промышленных масштабах — и в то же время музыка, необычные верования, ритм и ещё раз ритм, революционер-бессребренник Томас Санкара и настоящие битвы поэтов Анголы, с танковыми ямбами и артиллерийскими хорями, — вещаю я, прозревая в сыпящем июньским снегом небе Урала выжженное, цвета спелой кукурузы, небо над Ма-кгади-кгади и вечно-туманные горные леса Вирунги. — И если нам кажется, что это где-то на другой планете, то зря: страх перед повторением Руанды постулировал право на гуманитарные бомбардировки, а её опыт разжигания тотальной ненависти был отчасти использован в-на Украине. Кстати, — перевожу тему на более весёлую, — вы знаете, что к вам набиваются в родственники? Народ дан с Берега Слоновой Кости считает себя потомком одного из колен Иакова.

— А какого они цвета? Не антрацит? — спрашивает собеседница.

— Нет, ближе к правильно обжаренному кофе, — и продолжаю: — Тоже интересные люди. Выходца из дан Сэмюэля Доу, президента Либерии, перед смертью заставили съесть ухо (другое ухо, по слухам, употребил принц Джонсон, соратник генерала-колдуна Голая Задница — но это не попало на видео, разосланное по посольствам всего мира), да и диктатор в свое время поканнибальничал: враждебный ему варлорд Томас Квиконкпа был убит и съеден. Правда, частично...

— Шоколада захотелось, — внезапно подытоживает моя визави.

Где-то в гробу сытно улыбнулся Его Превосходительство Пожизненный Президент, Фельдмаршал, Доктор, Повелитель всех зверей на земле и рыб в море, Завоеватель Британской Империи в Африке вообще и в Уганде в частности, кавалер орденов «Крест Виктории», «Военный крест» и ордена «За боевые заслуги» Иди Амин Дада.

1.06.2018

XLV. Ответ

— О, Салим! Думал, ты опять в монастыре, — приветствовал я случайно встреченного товарища, случайно только потому,

что тёплая летняя ночь задержала нас на лавочке за рассуждениями о технологии сооружения стихов и внимании к постановке подударения в безударном месте открывающей строку стопы под бутылку коньяка, которую мы взяли потому,

что считали себя вправе после того, как потушили невесть откуда взявшийся зачинающийся лесной пожар, невесть откуда потому,

что ни один человек нормального роста не смог бы присесть в этой мешанине кустов, в которых, скрытые плотными сумерками, бродили дикие собаки, те самые, которые могли бы не подпустить к единственной луже, ибо, вероятно, где-то рядом находилось их логово, но которые отошли с дороги, не издав ни единого рыка потому,

что желание проверить, как же я мог потерять направление в этом исхоженном вдоль и поперёк лесочке, рождённое вышедшим на тропу чёрным псом, привело нас к ярко полыхающему жёлтому пламени потому,

что данное давно название — «Шурале саукалык», «уголок лешего» — оправдало своё имя заросшими дорожками, отсутствием птичьего гомона и вездесущих следов пашлыков и потому,

что я предложил войти в эту рошу, впервые, там, где моя память хранила крутой обрыв, увидев за пологим скатом надпойменной террасы несколько елей, замеченных мною, сидевшим на бревне у огромных гибнущих тополей потому,

что постоянно попадающиеся погибшие птицы волей-неволей заставили смотреть на имеющий много несоответствий пейзаж:

— ...потому что раньше моему тщеславию было интересно, что скажут об усопшем близкие после моей смерти, но теперь я этого не желаю знать. Особенно мнения родни.

— Как ты можешь это знать? Хотя... мёртвые приходят...

— И говорят только то, что ты готов услышать. Может быть, всё, что там — лишь галлюцинации гибнущего мозга. Странно, люди боятся смерти и боятся, что там — ничего. А я хотел бы верить, что там нет ничего, но...

Но чайки бесшумно носились в сером, будто каком-то не уральском, а тверском, глубинно-русском, почти не бывающим безоблачным небе, и ласточки спешили насытиться перед короткой июньской ночью, и веснянки роились над гладью реки, и не было

ей причины — лишь время, что лежало полем, через которое, пересекая странный вечер моей жизни, шли мы.

23.06.2018

XLVI. Время

...на балконе я вошёл в очередное мгновение, где наглый кот-попрошайка увлечённо подьедал вытребованную у меня печёнку, в полупрыжке от него, терзая куски сладкой булки, паслась дюжина голубей, грачи, привлечённые их пиршеством, совершали быстрые набег из-за андреевского креста асфальтовых дорожек, а в банке покоился так и не выкормленный медовой водицей, умерший в день рождения этого тела бражник — его бархатная, покрытая зелёной «шёрсткой» спинка потемнела и взъерошилась.

Мгновение, вечно таившееся на бескрайнем поле времени, овладев моим вниманием, с чувством глубокого удовлетворения воссуществовало и скрылось в тени, упавшей от Белого облака забвения.

Я оглянулся.

Степь, всё такая же совершенная, бесконечная, единая и многообразная, простиралась до края этой пульсирующей, пропитанной Жизнью вселенной. Где-то в Ней цепочкой проступающих пятнами соли следов лежали выгравированные в зеркалах фотографии: «Мой род и я» в жёлтой куртине караганы, «Моя смерть и я» под сенью ялгыз кайын и на поросшем полынью Шихане, «Моя любовь и я» в синем, как Тенгри, покрывале ирисов, — не считая миллиардов других, укрытых великим молчанием по тугаям и в ковылях восходов, закатов, друзей, озарений, сумасшествий, петербургов, абстракций и прочая, и прочая, и прочая.

И лишь Сам Ветер, единосущный Небу и Степи, шептал:

— Каждый способен жизнь любить — большую и малую. Кому хватит духу меня возлюбить — даже к богам беспощадное Время?

P.S. Где-то в пелене миража Маджнун, князь датский, вёл караван летучих голландцев к алжирскому дею.

17.07.2018

Примечание: В татарской мифологии есть такой образ — ялгыз кайын, одинокая береза. Это дерево, стоящее на пригорке посреди степи, оно одно среди трав шумит листвой... От него нет толку: стадо не спрячется в его тени, пастух не наберет под ним хвороста, но оно — то, что организует Пространство. Без него... ничего не изменится, хуже не станет — но потеряются ориентиры. Ему лучше бы расти в уреме, в лесу, но оно Есть Здесь.

XLVII. Диагноз

«Ты все больше... отделяешься от людей», — сливаясь в фразу, отозвались на предыдущий стих пиксели на экране, за которыми, где-то бесконечно далеко и совсем рядом, был живой образ человека.

«Значит, когда я окончательно сойду с ума, вы это не так скоро поймёте!» — играя нейромедиаторами на синапсах, рассмеялась мысль в голове, остывающей под плавно, сытно, медленно кружащей моросью тёплой жёлто-красной осени — такой же, как осень брежневских похорон.

До следующего максимума солнечной активности оставалось три-четыре года.

9.10.2018

XLVIII. Пирожок

Пришёл Тувинец.

Прошёл тест. Результат: «Ваш собутыльник — Франц Кафка. Всё плохо. Всё очень-очень плохо. Тлен, безысходность, самоуничтожение и другие слова, изображенные на пачках сигарет, характеризуют вас в последнее время. Остается только встретиться с Кафкой за бутылкой водки. Он, как никто другой, поймет вас и, возможно, придумает несколько новых сюжетов для своих рассказов после общения с вами».

Надо соответствовать, пока хендмейд-алкоголь имеет послевкусие рома. Или ром — самогона.

Пока дождь сытно, медленно, плавно падает с неба цвета осени брежневских похорон.

24.10.2018

XLIX. Яшмофилия

Друид кладёт ракааты¹ в сторону шкафа с минералами.
 Случайно на пути его поклонения стою я.
 Чувствую себя неловко в образе божества.
 Луна охотников² заглядывает в окно сытным жёлтым куском вологодского масла,
 расплываясь легендой о Хищнике по Внутренней Мьянме Чужого.
 Ветер воет.
 25.10.2018

L. Manual³

(для игроков «World of Oneself»)
 1 CLEAR
 5 CONST Тьма
 30 LET Свет
 40 SAY «Свет хорош»
 50 DATE\$ «День №1»
 60 LET разделение вод вверху и внизу
 70 SAY 0
 80 DATE\$ «День №2»
 {...}
 200 DATA дыхание ощущение видеть прикоснуться чувствовать воспринимать кожа
 мурашки слышать чай вино мыслить существование парение ветер вкус {...} любить
 печаль гнев сомнение
 210 LET Жизнь
 220 SAY «Жизнь есть хорошо»
 {...}
 270 LET Человек
 280 SAY 0
 310 DATE\$ «День №6»
 320 RUN 10
 {...}
 490 RESUME Взять плод с Древа познания из рук Её
 {...}
 130310 REM "снег кружил как мука — плавно, медленно, сытно":
 130320 IF снег мягко касается широко раскрытых в небо глаз, забирая остатки теп-
 ла из твоего тела GOTO 490
 {...}
 310120 ERROR 50; ERROR 67 "переизбыток файлов"; ERROR 76 "путь не найден";
 ERROR 11; FATAL ERROR
 310130 RUN Сорвать первую печать
 310140 SOUND иди и смотри
 310150 SEE Конь блед и имя ему
 {...}
 312380 KILL "Book.txt"
 312390 LET символ бесконечности/0
 312400 GOTO 1
 14.12.2018

Примечание: в Библии 312400 стихов.

¹ Ракаат - поклон в намазе; цикл вообще.

² Луна охотников - luna de cazador - второе полнолуние после осеннего равноденствия.

³ Руководство (англ.).